

Максим Горький

НА ДНЕ

*Посвящаю
Константину Петровичу
Пятницкому*
М. Горький

Действующие лица:

М и х а и л И в а н о в К о с т ы л е в, 54 лет, содержатель
ночлежки.

В а с и л и с а К а р п о в н а, его жена, 26 лет.

Н а т а ш а, ее сестра, 20 лет.

М е д в е д е в, их дядя, полицейский, 50 лет.

В а с ь к а П е п е л, 28 лет.

К л е щ, А н д р е й М и т р и ч, слесарь, 40 лет.

А н н а, его жена, 30 лет.

Н а с т я, девица, 24 лет.

К в а ш н я, торговка пельменями, под 40 лет.

Б у б н о в, картузник, 45 лет.

Б а р о н, 33 лет.

С а т и н	}	приблизительно одного возраста: лет под 40.
А к т е р		

Л у к а, странник, 60 лет.

А л е ш к а, сапожник, 20 лет.

К р и в о й З о б }
Т а т а р и н } крючники.

Н е с к о л ь к о б о с я к о в б е з и м е н и и р е ч е й.

Действие первое

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь; в левой — каменной — стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем, перед наковальней, сидит К л е щ, примеривая ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, К в а ш н я хозяйничает, Б а р о н жует черный хлеб и Н а с т я, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет А н н а. Б у б н о в, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. С а т и н только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет А к т е р. Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня поди прочь. Я, говорю, это испытала... и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Бубнов (*Сатину*). Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский, — не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь! Обвенчаешься с Абрамкой...

Барон (*выхватив у Насти книжку, читает название*). «Роковая любовь»... (*Хохочет.*)

Настя (*протягивая руку*). Дай... отдай! Ну... не балуй!

Барон смотрит на нее,
помахивая книжкой в воздухе.

Квашня (*Клещу*). Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон (*ударяя книгой по голове Настю*). Дура ты, Настька...

Настя (*отнимает книгу*). Дай...

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься... только того и ждешь...

Квашня. Конечно! Еще бы... как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти...

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело...

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька — ты где?

Настя (*не поднимая головы*). А?.. Уйди!

А н н а (*высовывая голову из-за полога*). Начался день! Бога ради... не кричите... не ругайтесь вы!

К л е щ. Заныла!

А н н а. Каждый божий день... дайте хоть умереть спокойно!

Б у б н о в. Шум — смерти не помеха...

К в а ш н я (*подходя к Анне*). И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

А н н а. Оставь... отстань...

К в а ш н я. Ну-ну! Эх ты... терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Б а р о н. Квашня! На базар пора...

К в а ш н я. Идем, сейчас! (*Анне.*) Хочешь, пельмешков горяченьких дам?

А н н а. Не надо... спасибо! Зачем мне есть?

К в а ш н я. А ты — поешь. Горячее — смягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю... захочешь когда, и покушай! Идем, барин... (*Клещу.*) У, нечистый дух... (*Уходит в кухню.*)

А н н а (*кашляя*). Господи...

Б а р о н (*тихонько толкает Настю в затылок*). Брось... дуреха!

Н а с т я (*бормочет*). Убирайся... я тебе не мешаю.

Барон, насвистывая, уходит за Квашней.

С а т и н (*приподнимаясь на нарах*). Кто это бил меня вчера?

Б у б н о в. А тебе не все равно?..

С а т и н. Положим, так... А за что били?

Б у б н о в. В карты играл?

С а т и н. Играл...

Б у б н о в. За это и били...

С а т и н. М-мерзавцы...

А к т е р (*высовывая голову с печи*). Однажды тебя совсем убьют... до смерти...

С а т и н. А ты — болван.

А к т е р. Почему?

С а т и н. Потому что — дважды убить нельзя.

А к т е р (*помолчав*). Не понимаю... почему — нельзя?

К л е щ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру... чего нежишься?

А к т е р. Это дело не твое...

К л е щ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело...

А к т е р. К черту Василису! Сегодня баронова очередь убираться... Барон!

Б а р о н (*выходя из кухни*). Мне некогда убираться... я на базар иду с Квашней.

А к т е р. Это меня не касается... иди хоть на ка-торгу... а пол мести твоя очередь... я за других не стану работать...

Б а р о н. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет... Эй, ты, роковая любовь! Очнись! (*Отнимает книгу у Насти.*)

Н а с т я (*вставая*). Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин...

Б а р о н (*отдавая книгу*). Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Н а с т я (*уходя в кухню*). Очень нужно... как же!

К в а ш н я (*в двери из кухни — Барону*). А ты — иди. Уберутся без тебя... Актер! тебя просят, — ты и сделай... не переломишься, чай!

А к т е р. Ну... всегда я... не понимаю...

Б а р о н (*выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками*). Сегодня что-то тяжело...

С а т и н. Стоило тебе родиться бароном...

К в а ш н я (*Актеру*). Ты смотри же, — подмети! (*Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.*)

А к т е р (*слезая с печи*). Мне вредно дышать пылью. (*С гордостью.*) Мой организм отравлен алкоголем... (*Задумывается, сидя на нарах.*)

С а т и н. Организм... органон...

А н н а. Андрей Митрич...

К л е щ. Что еще?

А н н а. Там пельмени мне оставила Квашня... возьми, поешь.

К л е щ (*подходя к ней*). А ты — не будешь?

А н н а. Не хочу... На что мне есть? Ты — работник... тебе — надо...

К л е щ. Боишься? Не бойся... может, еще...

А н н а. Иди, кушай! Тяжело мне... видно, скоро уж...

К л е щ (*отходя*). Ничего... может — встанешь... бывает! (*Уходит в кухню*.)

А к т е р (*громко, как бы вдруг проснувшись*). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем...

С а т и н (*улыбаясь*). Органон...

А к т е р (*настойчиво*). Не органон, а ор-га-ни-зм...

С а т и н. Сикамбр...

А к т е р (*машет на него рукой*). Э, вздор! Я говорю — серьезно... да. Если организм — отравлен... значит, — мне вредно мести пол... дышать пылью...

С а т и н. Макробиотика... ха!

Б у б н о в. Ты чего бормочешь?

С а т и н. Слова... А то еще есть — транс-седентальный...

Б у б н о в. Это что?

С а т и н. Не знаю... забыл...

Б у б н о в. А к чему говоришь?

С а т и н. Так... Надоели мне, брат, все человеческие слова... все наши слова — надоели! Каждое из них слышал я... наверное, тысячу раз...

А к т е р. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

К л е щ (*выходя из кухни*). Ты с метлой играть скоро будешь?

А к т е р. Не твое дело... (*Ударяет себя в грудь рукой*.) «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!...»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики,
свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

С а т и н. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Б у б н о в. А ты был и телеграфистом?

С а т и н. Был... (*Усмехаясь.*) Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Б у б н о в. Слышал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот — скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто грязные... да!

С а т и н. Ну и что же?

Б у б н о в. И больше ничего...

С а т и н. Ты это к чему?

Б у б н о в. Так... для соображения... Выходит — снаружи как себя ни раскрашивай, все сотрется... все сотрется, да!

С а т и н. А... кости у меня болят!

А к т е р (*сидит, обняв руками колени*). Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста... он читал роли по складам, но мог играть героев так, что... театр трещал и шатался от восторга публики...

С а т и н. Бубнов, дай пятак!

Б у б н о в. У меня всего две копейки...

А к т е р. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу...

С а т и н. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав... Клещ, дай пятак!

К л е щ. Пошел к черту! Много вас тут...

С а т и н. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю...

А н н а. Андрей Митрич... Душно мне... трудно...

К л е щ. Что же я сделаю?

Б у б н о в. Дверь в сени отвори...

К л е щ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу... пусти меня на свое место, да и отвори... а я и без того простужен...

Б у б н о в (*спокойно*). Мне отворять не надо... твоя жена просит...

К л е щ (*угрюмо*). Мало ли кто чего попросил бы...

С а т и н. Гудит у меня голова... эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Б у б н о в. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. (*Встает.*) Пойти, ниток купить... А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня... словно издохли. (*Уходит.*)

Анна кашляет.

Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

А к т е р (*тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне*). Что? Плохо?

А н н а. Душно.

А к т е р. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. (*Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.*) Ну-ну... твердо! Я — сам больной... отравлен алкоголем...

К о с т ы л е в (*в дверях*). На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка...

А к т е р. А ты — посторонись... видишь — больные идут?..

К о с т ы л е в. Проходи, изволь... (*Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла.*)

Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.

Скрипишь?

К л е щ. Чего?

К о с т ы л е в. Скрипишь, говорю?

Пауза.

А-а... того... что бишь я хотел спросить? (*Быстро и негромко.*) Жена не была здесь?

К л е щ. Не видал...

К о с т ы л е в (*осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла*). Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

К л е щ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь...

К о с т ы л е в. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи, знай, в свое удовольствие... А я на тебя полтинку накину, — маслица в лампаду куплю... и будет перед святой иконой жертва моя гореть... И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь... ну вот... Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства... никто тебя не любит, не уважает... работа твоя скрипучая, беспокойная для всех...

К л е щ (*кричит*). Ты что меня... травить пришел?

Сатин громко рычит.

К о с т ы л е в (*вздрагнув*). Эх ты, батюшка...

А к т е р (*входит*). Усадил бабу в сенях, закутал...

К о с т ы л е в. Экой ты добрый, брат! Хорошо это... это зачтется все тебе...

А к т е р. Когда?

К о с т ы л е в. На том свете, братик... там все, всякое деяние наше учитывают...

А к т е р. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту...

К о с т ы л е в. Это как же я могу?

А к т е р. Скости половину долга...

К о с т ы л е в. Хе-хе! Ты все шутишь, милячок, все играешь... Разве доброту сердца с деньгами можно равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить... Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана...

А к т е р. Шельма ты, старец... (*Уходит в кухню.*)

Клещ встает и уходит в сени.

К о с т ы л е в (*Сатину*). Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня...

С а т и н. Кто тебя — кроме черта — любит...

К о с т ы л е в (*посмеиваясь*). Экой ты ругатель! А я вас всех люблю... я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая... (*Вдруг, быстро.*) А... Васька — дома?

С а т и н. Погляди...

К о с т ы л е в (*подходит к двери и стучит*). Вася!

А к т е р появляется в двери из кухни. Он что-то жует.

П е п е л. Кто это?

К о с т ы л е в. Это я... я, Вася.

П е п е л. Что надо?

К о с т ы л е в (*отодвигаясь*). Отвори...

С а т и н (*не глядя на Костылева*). Он отворит, а она — там...

Актер фыркает.

К о с т ы л е в (*беспокойно, негромко*). А? Кто — там? Ты... что?

С а т и н. Чего? Ты — мне говоришь?

К о с т ы л е в. Ты что сказал?

С а т и н. Это я так... про себя...

К о с т ы л е в. Смотри, брат! Шути в меру... да!
(*Сильно стучит в дверь.*) Василий!..

П е п е л (*отворяя дверь*). Ну? Чего беспокоишь?

К о с т ы л е в (*заглядывая в комнату*). Я... видишь — ты...

П е п е л. Деньги принес?

К о с т ы л е в. Дело у меня к тебе...

П е п е л. Деньги — принес?

К о с т ы л е в. Какие? Погоди...

П е п е л. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

К о с т ы л е в. Какие часы, Вася?... Ах, ты...

П е п е л. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей... три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей... а дела своего не знает...

К о с т ы л е в. Ш-ш! Не сердись, Вася... Часы, — они...

С а т и н. Краденые...

К о с т ы л е в (*строго*). Я краденого не принимаю... как ты можешь...

П е п е л (*берет его за плечо*). Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

К о с т ы л е в. Да... мне — ничего... я уйду... если ты такой...

П е п е л. Ступай, принеси деньги!

К о с т ы л е в (*уходит*). Экие грубые люди! Ай-яй...

А к т е р. Комедия!

С а т и н. Хорошо! Это я люблю...

П е п е л. Чего он тут?

С а т и н (*смеясь*). Не понимаешь? Жену ищет... и чего ты не пришибешь его, Василий?!

П е п е л. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...

С а т и н. А ты — умненько. Потом — женись на Василесе... хозяином нашим будешь...

П е п е л. Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете... (*Садится на нары.*) Старый черт... разбудил... А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — громаднейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают... И вот я его вожу на удочке и боюсь, — лёса оборвется! И приготовил сачок... вот, думаю, сейчас...

С а т и н. Это не лещ, а Василиса была...

А к т е р. Василису он давно поймал...

П е п е л (*сердито*). Подите вы к чертям... да и с ней вместе!

К л е щ (*входит из сеней*). Холодище... собачий...

А к т е р. Ты что же Анну не привел? Замерзнет...

К л е щ. Ее Наташка в кухню увела к себе...

А к т е р. Старик — выгонит...

К л е щ (*сядась работать*). Ну... Наташка приведет...

С а т и н. Василий! Дай пятак...

А к т е р (*Сатину*). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам двугривенный...

П е п е л. Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!

С а т и н. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше воров!

К л е щ (*угрюмо*). Им легко деньги достаются... Они — не работают...

С а т и н. Многим деньги легко достаются, да многие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! (*Актеру.*) Ты, Сарданапал! Идем...

А к т е р. Идем, Навухудоноссор! Напьюсь — как... сорок тысяч пьяниц...

Уходят.

П е п е л (*зевая*). Что, как жена твоя?
К л е щ. Видно, скоро уж...

Пауза.

П е п е л. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.
К л е щ. А что делать?

П е п е л. Ничего...

К л е щ. А как есть буду?

П е п е л. Живут же люди...

К л е щ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я — рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь, я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил... а все равно как шесть лет...

П е п е л. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

К л е щ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

П е п е л (*равнодушно*). А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Б у б н о в (*входит*). У-у... озяб!

П е п е л. Бубнов! У тебя совесть есть?

Б у б н о в. Чего-о? Совесть?

П е п е л. Ну да!

Б у б н о в. На что совесть? Я — не богатый...

П е п е л. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас: нет, говорит, у нас совести...

Б у б н о в. А он что — занять хотел?

П е п е л. У него — своей много...

Б у б н о в. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

П е п е л (*поучительно*). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то — Барона...

К л е щ. Не о чем мне с ними говорить...

П е п е л. Они — поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Б у б н о в. Акто пьян да умен — два угодыя в нем...

П е п е л. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это — верно...

Н а т а ш а входит. За нею — Л у к а с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Л у к а. Доброго здоровья, народ честной!

П е п е л (*приглаживая усы*). А-а, Наташа!

Б у б н о в (*Луке*). Был честной, да позапрошлой весной...

Н а т а ш а. Вот — новый постоялец...

Л у к а. Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Н а т а ш а (*указывая на дверь в кухню*). Туда иди, дедушка...

Л у к а. Спасибо, девушка! Туда так туда... Старик — где тепло, там и родина...

П е п е л. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа...

Н а т а ш а. Поинтереснее вас... Андрей! Жена твоя, в кухне у нас... ты, погода, приди за ней.

К л е щ. Ладно... приду...

Н а т а ш а. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...

К л е щ. Знаю...

Н а т а ш а. Знаешь... Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно...

П е п е л. А я вот — не боюсь...

Н а т а ш а. Как же!.. Храбрость...

Б у б н о в (*свистнув*). А нитки-то гнилые...

П е п е л. Право, не боюсь! Хоть сейчас — смерть

приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру — не охну! Даже — с радостью, потому что — от чистой руки...

Н а т а ш а (*уходит*). Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Б у б н о в (*протяжно*). А ниточки-то гнилые...

Н а т а ш а (*у двери в сени*). Не забудь, Андрей, про жену...

К л е щ. Ладно...

П е п е л. Славная девка!

Б у б н о в. Девца — ничего...

П е п е л. Чего она со мной... так? Отвергает... Все равно ведь — пропадет здесь...

Б у б н о в. Через тебя пропадет...

П е п е л. Зачем — через меня? Я ее — жалею...

Б у б н о в. Как волк овцу...

П е п е л. Врешь ты! Я очень... жалею ее... Плохо ей тут жить... я вижу...

К л е щ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней...

Б у б н о в. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст... баба — лютая...

П е п е л (*ложится на нары*). Подите вы к чертям оба... пророки!

К л е щ. Увидишь... погоди!.. .

Л у к а (*в кухне, напевает*). Середь но-очи... пугать-до-рогу не-е видать...

К л е щ (*уходя в сени*). Ишь воет... тоже...

П е п е л. А скушно... чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь — все хорошо! И вдруг — точно озябнешь: сделается скушно...

Б у б н о в. Скушно? М-м...

П е п е л. Ей-ей!

Л у к а (*поет*). Эх, и не вида-ать пути-и...

П е п е л. Старик! Эй!

Л у к а (*выглядывая из двери*). Это я?

П е п е л. Ты. Не пой.

Л у к а (*выходит*). Не любишь?

П е п е л. Когда хорошо поют — люблю...

Л у к а. А я, значит, не хорошо?

П е п е л. Стало быть...

Л у к а. Ишь ты! А я думал — хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя — хорошо я делаю! Хватит — а люди недовольны...

П е п е л (*смеясь*). Вот! Верно...

Б у б н о в. Говоришь — скушно, а сам хохочешь.

П е п е л. А тебе что? Ворон...

Л у к а. Это кому — скушно?

П е п е л. Мне вот...

Б а р о н входит.

Л у к а. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и — плачет! Право! Слезы текут... Я ей говорю: милая, ты чего это, а? А она — жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке... Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки...

Б а р о н. Это — дура...

П е п е л. Барон! Чай пил?

Б а р о н. Пил... дальше!

П е п е л. Хочешь — полбутылки поставлю?

Б а р о н. Разумеется... дальше!

П е п е л. Становись на четвереньки, лай собакой!

Б а р о н. Дурак! Ты что — купец? Или — пьян?

П е п е л. Ну, полай! Мне забавно будет... Ты барин... было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал... и все такое...

Б а р о н. Ну, дальше!

П е п е л. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой — ты и будешь... ведь будешь?

Б а р о н. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе...

Б у б н о в. Верно!

Л у к а. И я скажу — хорошо!..

Б у б н о в. Что было — было, а остались — одни пустяки... Здесь господ нету... все слиняло, один голый человек остался...

Л у к а. Все, значит, равны... А ты, милый, бароном был?

Б а р о н. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Л у к а (*смеется*). Графа видал я и князя видал... а барона — первый раз встречаю, да и то испорченного...

П е п е л (*хохочет*). Барон! А ты меня сконфузил...

Б а р о н. Пора быть умнее, Василий...

Л у к а. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, — житье ваше — о-ой!..

Б у б н о в. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье...

Б а р о н. Жили и лучше... да! Я... бывало... проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью... кофе! — со сливками... да!

Л у к а. А всё — люди. Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь... И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее... и хоть живут — всё хуже, а хотят — всё лучше... упрямые!

Б а р о н. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Л у к а. Я-то?

Б а р о н. Странник?

Л у к а. Все мы на земле странники... Говорят, — слышал я, — что и земля-то наша в небе странница.

Б а р о н (*строго*). Это так, ну, а — паспорт имеешь?

Л у к а (*не сразу*). А ты кто, — сыщик?

П е п е л (*радостно*). Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Б у б н о в. Н-да, получил барин...

Б а р о н (*skonфуженный*). Ну, чего там? Я ведь — шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет...

Б у б н о в. Врешь!

Б а р о н. То есть... я имею бумаги... но — они никуда не годятся...

Л у к а. Они, бумажки-то, все такие... все никуда не годятся.

П е п е л. Барон! Идем в трактир...

Б а р о н. Готов! Ну, прощай, старик... шельма ты!

Л у к а. Всяко бывает, милый...

П е п е л (у двери в сени). Ну, идем, что ли! (*Уходит.*)

Б а р о н быстро идет за ним.

Л у к а. В самом деле, человек-то бароном был?

Б у б н о в. Кто его знает? Барин, это верно... Он и теперь — нет-нет да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Л у к а. Оно, пожалуй, барство-то — как оспа... и выздоровеет человек, а знаки-то остаются...

Б у б н о в. Он ничего все-таки... Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта...

А л е ш к а (*входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит*). Эй, жители!

Б у б н о в. Чего орешь?

А л е ш к а. Извините... простите! Я человек вежливый...

Б у б н о в. Опять загулял?

А л е ш к а. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло... ни-ни! Я — человек с характером... А хозяин на меня фыркает... А что такое — хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно... Пьяница он, хозяин-то... А я такой человек, что... ничего не желаю! Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — ничего не хочу.

Н а с т я выходит из кухни.

Давай мне миллион — н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой... пьяница, — не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука (*добродушно*). Эх, парень, запутался ты...

Бубнов. Дурость человеческая...

Алешка (*ложится на пол*). На, ешь меня! А я — ничего не хочу! Я — отчаянный человек! Объясните мне — кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи — морду побью! А я — пойду... пойду лягу середь улицы — дави меня! Я — ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж... так ломается...

Алешка (*увидав ее, встает на колени*). Барышня! Мамзель! Парле франсе... прейскурант! Загулял я...

Настя (*громко шепчет*). Василиса!

Василиса (*быстро отворяя дверь, Алешке*). Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте... пожалуйста...

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь... а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна... хошь я тебе... похоронный марш сыграю?

Василиса (*толкает его в плечо*). Вон!

Алешка (*подвигаясь к двери*). Постой... так нельзя! Похоронный марш... недавно выучил! Свежая музыка... погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу — нельзя — я всю улицу натравлю на тебя... язычник ты проклятый... молod ты лаять про меня...

Алешка (*выбегая*). Ну, я уйду...

Василиса (*Бубнову*). Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе...

В а с и л и с а. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь — не забудь! Сколько должен мне?

Б у б н о в (*спокойно*). Не считал...

В а с и л и с а. Смотри — я посчитаю!

А л е ш к а (*отворив дверь, кричит*). Василиса Карповна! А я тебя не боюсь... н-не боюсь! (*Прячется.*)

Лука смеется.

В а с и л и с а. Ты кто такой?..

Л у к а. Проходящий... странствующий...

В а с и л и с а. Ночуешь или жить?

Л у к а. Погляжу там...

В а с и л и с а. Пачпорт!

Л у к а. Можно...

В а с и л и с а. Давай!

Л у к а. Я тебе принесу... на квартиру тебе приволоку его...

В а с и л и с а. Прохожий... тоже! Говорил бы — проходимец... всё ближе к правде-то...

Л у к а (*вздыхнув*). Ах, и неласкова ты, мать...

Василиса идет к двери в комнату Пепла.

А л е ш к а (*выглядывая из кухни, шепчет*). Ушла? а?

В а с и л и с а (*оборачивается к нему*). Ты еще здесь?

Алешка, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.

Б у б н о в (*Василисе*). Нет его...

В а с и л и с а. Кого?

Б у б н о в. Васьки...

В а с и л и с а. Я тебя спрашивала про него?

Б у б н о в. Вижу я... заглядываешь ты везде...

В а с и л и с а. Я за порядком гляжу — понял? Это

почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Б у б н о в. Актеру мести...

В а с и л и с а. Мне дела нет — кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда... всех вас — вон!

Б у б н о в (спокойно). А чем жить будешь?

В а с и л и с а. Чтобы соринки не было! (*Идет в кухню. Насте.*) Ты чего тут торчишь? Что рожка-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью... видела? Была она тут?

Н а с т я. Не знаю... не видела...

В а с и л и с а. Бубнов! Сестра была здесь?

Б у б н о в. А... вот его привела она...

В а с и л и с а. Этот... дома был?..

Б у б н о в. Василий? Был... С Клещом она тут говорила, Наталья-то...

В а с и л и с а. Я тебя не спрашиваю — с кем! Грязь везде... грязища! Эх вы... свиньи! Чтобы было чисто... слышите! (*Быстро уходит.*)

Б у б н о в. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Л у к а. Сурьезная бабочка...

Н а с т я. Озвереешь в такой жизни... Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее...

Б у б н о в. Ну, она не очень крепко привязана...

Л у к а. Всегда она так... разрывается?

Б у б н о в. Всегда... К любовнику, видишь, пришла, а его нет...

Л у к а. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается... и всякими страхами друг дружку стращает, а все порядка нет в жизни... и чистоты нет...

Б у б н о в. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести... Настя!.. Ты бы занялась...

Н а с т я. Ну да, как же! Горничная я вам тут... (*Помолчав.*) Напьюсь вот я сегодня... так напьюсь!

Б у б н о в. И то — дело...

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь — напьюсь!

Настя (*вызывающе*). А напьюсь — опять плакать буду... вот и все!

Бубнов. Не много...

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит...

Настя молчит, качая головой.

Так... Эхе-хе... господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях...

Лука идет в сени.

Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она Ваське и что Васька бросить ее хочет... а Наташу взять себе... Уйду я отсюда... на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне... Лишняя я здесь...

Бубнов (*спокойно*). Ты везде лишняя... да и все люди на земле — лишние...

Настя качает головой. Встает, тихо уходит в сени.

Медведев входит. За ним — Лука с метлой.

Медведев. Как будто я тебя не знаю...

Лука. А остальных людей — всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот — не знаю...

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и опричь его... (*Уходит в кухню.*)

Медведев (*подходя к Бубнову*). Правильно, участок у меня невелик... хоть хуже всякого большого...

Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез... Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще — движение... могут раздавить колесами и прочее... Буйный парнишка... Ну, сейчас я его и... представил. Очень любит беспорядок...

Б у б н о в. Вечером в шашки играть придется?

М е д в е д е в. Приду. М-да... А что... Васька?

Б у б н о в. Ничего... все так же...

М е д в е д е в. Значит... живет?

Б у б н о в. Что ему не жить? Ему можно жить...

М е д в е д е в (*сомневаясь*). Можно?

Лука выходит в сени с ведром в руке.

М-да... тут — разговор идет... насчет Васьки... ты не слышал?

Б у б н о в. Я разные разговоры слышу...

М е д в е д е в. Насчет Василисы, будто... не замечал?

Б у б н о в. Чего?

М е д в е д е в. Так... вообще... Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают... (*Строго.*) Врать нельзя, брат...

Б у б н о в. Зачем мне врать!

М е д в е д е в. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой... дескать... а мне что? Я ей не отец, я — дядя... Зачем надо мной смеяться?..

Входит К в а ш н я.

Какой народ стал... надо всем смеется... А-а! Ты... пришла...

К в а ш н я. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов! Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться...

Б у б н о в. Валяй... чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий...

М е д в е д е в. Я-то? Хо-хо!

К в а ш н я. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было... замуж бабе выйти — все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала, — на всю жизнь памятно...

М е д в е д е в. Ты — погоди... мужья — они разные бывают.

К в а ш н я. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, — ни дна бы ему ни покрывки, — так я целый день от радости одна просидела: сию и все не верю счастьем своему...

М е д в е д е в. Ежели тебя муж бил... зря — надо было в полицию жаловаться...

К в а ш н я. Я Богу жаловалась восемь лет, — не помогал!

М е д в е д е в. Теперь запрещено жен бить... теперь во всем — строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить... бьют — для порядку...

Л у к а (*вводит Анну*). Ну вот и доползли... эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твоё место?

А н н а (*указывая*). Спасибо, дедушка...

К в а ш н я. Вот она — замужняя... глядите!

Л у к а. Бабочка совсем слабого состава... Идет по сеням, цепляется за стенки и — стенает... Пошто, вы ее одну пущаете?

К в а ш н я. Недоглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла...

Л у к а. Ты вот — смеешься... а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит...

М е д в е д е в. Надзор нужен! Вдруг — умрет? Капиталь будет из этого... Следить надо!

Л у к а. Верно, господин ундер...

М е д в е д е в. М-да... хоть я... еще не совсем ундер...

Л у к а. Н-ну? А видимость — самая геройская!

В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.

М е д в е д е в. Никак — скандал?

Б у б н о в. Похоже...

К в а ш н я. Пойти поглядеть...

М е д в е д е в. И мне надо идти... Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы... ведь устаешь драться... Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет... стали бы меньше драться, потому побои-то помнили бы дольше...

Б у б н о в (*слезая с нар*). Ты начальству поговори насчет этого...

К о с т ы л е в (*распахивая дверь, кричит*). Абрам! Иди... Василиса Наташку... убивает... иди!

Квашня, Медведев, Бубнов бросаются в сени.

Лука, качая головой, смотрит вслед им.

А н н а. О господи... Наташенька бедная!

Л у к а. Кто дерется там?

А н н а. Хозяйки... сестры...

Л у к а (*подходя к Анне*). Чего делают?

А н н а. Так они... сытые обе... здоровые...

Л у к а. Тебя как звать-то?

А н н а. Анной... Гляжу я на тебя... на отца ты похож моего... на батюшку... такой же ласковый... мягкий...

Л у к а. Мяли много, оттого и мягок... (*Смеется дребезжащим смехом.*)

З а н а в е с

Действие второе

Та же обстановка.

Вечер. На нарах около печи С а т и н, Б а р о н, К р и в о й З о б и Т а т а р и н играют в карты. К л е щ и А к т е р наблюдают за игрой. Б у б н о в на своих нарах играет в шашки с М е д в е д е в ы м. Л у к а сидит на табурете у постели А н н ы. Ночлежка освещена двумя лампами: одна висит на стене около играющих в карты, другая — на нарах Бубнова.

Т а т а р и н. Еще раз играю, — больше не играю...
Б у б н о в. Зоб! Пой! (*Запевает.*)

Солнце всходит и заходит...

К р и в о й З о б (*подхватывает голос*).

А в тюрьме моей темно....

Т а т а р и н (*Сатину*). Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой-такой ты...

Б у б н о в и К р и в о й З о б (*вместе*).

Дни и ночи часовые — э-эх!
Стерегут мое окно...

А н н а. Побой... обиды... ничего кроме — не видела я... ничего не видела!

Л у к а. Эх, бабочка! Не тоскуй!

М е д в е д е в. Куда ходишь? Гляди!..

Б у б н о в. А-а! Так, так, так...

Т а т а р и н (*грозя Сатину кулаком*). Зачем карта прятать хочешь? Я вижу... э, ты!

К р и в о й З о б. Брось, Асан! Все равно — они нас объегорят... Бубнов, заводи!

А н н а. Не помню — когда сыта была... Над каждым куском хлеба тряслась... Всю жизнь мою дрожа-

ла... Мучилась... как бы больше другого не съесть...
Всю жизнь в отрешках ходила... всю мою несчастную
жизнь... За что?

Л у к а. Эх ты, детынька! Устала? Ничего!

А к т е р (*Кривому Зобу*). Валетом ходи... валетом,
черт!

Б а р о н. А у нас — король.

К л е щ. Они всегда побьют.

С а т и н. Такая у нас привычка...

М е д в е д е в. Дамка!

Б у б н о в. И у меня... н-ну...

А н н а. Помираю, вот...

К л е щ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бро-
сай, говорю!

А к т е р. Он без тебя не понимает?

Б а р о н. Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не
швырнул ко всем чертям!

Т а т а р и н. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода,
разбивал себя... и я тоже!

Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.

А н н а. Все думаю я: господи! Неужто и на том све-
те мука мне назначена? Неужто и там?

Л у к а. Ничего не будет! Лежи, знай! Ничего! От-
дохнешь там!.. Потерпи еще! Все, милая, терпят...
всяк по-своему жизнь терпит... (*Встает и уходит в
кухню быстрыми шагами.*)

Б у б н о в (*запевает*).

Как хотите, стерегите...

К р и в о й З о б.

Я и так не убегу...

В два голоса.

Мне и хочется на волю... эх!

Цепь порвать я не могу...

Татарин (*кричит*). А! Карта рукав совал!

Барон (*конфузясь*). Ну... что же мне — в нос твой сунуть?

Актер (*убедительно*). Князь! Ты ошибся... никто, никогда...

Татарин. Я видел! Жулик! Не буду играть!

Сатин (*собирая карты*). Ты, Асан, отвяжись... Что мы — жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два двугривенных, а шум делаешь на трешницу... еще князь!

Татарин (*горячо*). Надо играть честно!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так... Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты — знаешь?

Татарин плюет озлобленный. Все хохочут над ним.

Кривой Зоб (*благодарно*). Чудак ты, Асан! Ты — пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут...

Татарин. А мне какое дело! Надо честно жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше... Бубен!

И-эх вы, цепи, мои цепи...

Бубнов.

Да вы железны сторожа...

Кривой Зоб. Идем, Асанка! (*Уходит, напевая.*)

Не порвать мне, не разбить вас...

Татарин грозит Барону кулаком
и выходит вслед за товарищем.

С а т и н (*Барону, смеясь*). Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете...

Б а р о н (*разводя руками*). Черт знает, как она...

А к т е р. Таланта нет... нет веры в себя... а без этого... никогда, ничего...

М е д в е д е в. У меня одна дамка... а у тебя две... н-да!

Б у б н о в. И одна — не бедна, коли умна... ходи!

К л е щ. Проиграли вы, Абрам Иванович!

М е д в е д е в. Это не твое дело... понял? И молчи...

С а т и н. Выигрыш — пятьдесят три копейки...

А к т е р. Три копейки мне... А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Л у к а (*выходя из кухни*). Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Б а р о н. Идем с нами!

С а т и н. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Л у к а. Не лучше трезвого-то...

А к т е р. Идем, старик... я тебе продекламирую куплеты...

Л у к а. Чего это?

А к т е р. Стихи, — понимаешь?

Л у к а. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

А к т е р. Это — смешно... А иногда — грустно...

С а т и н. Ну, куплетист, идешь? (*Уходит с Бароном.*)

А к т е р. Иду... я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения... начало я забыл... забыл! (*Потирает лоб.*)

Б у б н о в. Готово! Пропала твоя дамка... ходи!

М е д в е д е в. Не туда я пошел... пострели ее!

А к т е р. Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память... А теперь вон... кончено, брат! Все кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом... гром аплодисментов! Ты... не знаешь, что такое аплодисменты... это, брат, как... водка!.. Бывало,

выйду, встану вот так... (*Становится в позу.*) Встану... и... (*Молчит.*) Ничего не помню... ни слова... не помню! Любимое стихотворение... плохо это, старик?

Л у к а. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа...

А к т е р. Пропил я душу, старик... я, брат, погиб... А почему — погиб? Веры у меня не было... Кончен я...

Л у к а. Ну, чего? Ты... лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат... такая уж лечебница устроена для пьяниц... чтобы, значит, даром их лечить... Признали, видишь, что пьяница — тоже человек... и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка вот, валяй! Иди...

А к т е р (*задумчиво*). Куда? Где это?

Л у к а. А это... в одном городе... как его? Название у него эдакое... Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись... возьми себя в руки и — терпи... А потом — вылечишься... и начнешь жить снова... хорошо, брат, снова-то! Ну, решай... в два приема...

А к т е р (*улыбаясь*). Снова... сначала... Это — хорошо... Н-да... Снова? (*Смеется.*) Ну... да! Я могу?! Ведь могу, а?

Л у к а. А чего? Человек — все может... лишь бы захотел...

А к т е р (*вдруг, как бы проснувшись*). Ты — чудак! Прощай пока! (*Свистит.*) Старичок... прощай... (*Уходит.*)

А н н а. Дедушка!

Л у к а. Что, матушка?

А н н а. Поговори со мной...

Л у к а (*подходя к ней*). Давай, побеседуем...

Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.

Что, браток?

К л е щ (негромко). Ничего... (Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит перед ней и — уходит.)

Л у к а (проводив его взглядом). Тяжело мужику-то твоему...

А н н а. Мне уж не до него...

Л у к а. Бил он тебя?

А н н а. Еще бы... От него, чай, и зачахля...

Б у б н о в. У жены моей... любовник был; ловко, бывало, в шашки играл, шельма...

М е д в е д е в. Мм-м...

А н н а. Дедушка! Говори со мной, милый... Тош-но мне...

Л у к а. Это ничего! Это — перед смертью... голубка. Ничего, милая! Ты — надейся... Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно... ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой... лежи себе! Смерть — она все успокаивает... она для нас ласковая... Помрешь — отдохнешь, говорится... верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?

П е п е л входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарах и сидит молча, неподвижно.

А н н а. А как там — тоже мўка?

Л у к а. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой — больше ничего! Призовут тебя к господу и скажут: Господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна...

М е д в е д е в (строго). А ты почему знаешь, что там скажут? Эй, ты...

Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.

Л у к а. Стало быть, знаю, господин ундер...

М е д в е д е в (*примирительно*). М... да! Ну... твое дело... Хоша... я еще не совсем... ундер...

Б у б н о в. Двух беру...

М е д в е д е в. Ах ты... чтоб тебе!..

Л у к а. А господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится... знаю я, жила она — очень трудно... очень устала... Дайте покой Анне...

А н н а (*задыхаясь*). Дедушка... милый ты... кабы так! Кабы... покой бы... не чувствовать бы ничего...

Л у к а. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты — с радостью помирай, без тревоги... Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям...

А н н а. А... может... может, выздоровлю я?

Л у к а (*усмехаясь*). На что? На му́ку опять?

А н н а. Ну... еще немножко... пожить бы... немножко! Коли там муки не будет... здесь можно потерпеть... можно!

Л у к а. Ничего там не будет!.. Просто...

П е п е л (*вставая*). Верно... а может, и — не верно!

А н н а (*пугливо*). Господи...

Л у к а. А, красавец...

М е д в е д е в. Кто орет?

П е п е л (*подходя к нему*). Я! А что?

М е д в е д е в. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смирно...

П е п е л. Э... дубина!.. А еще — дядя... х-хо!

Л у к а (*Пеплу, негромко*). Слышь, — не кричи! Тут — женщина помирает... уж губы у нее земель обметало... не мешай!

П е п е л. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо... сказки говоришь приятно! Ври, ничего... мало, брат, приятного на свете!

Б у б н о в. Вправду — помирает баба-то?

Л у к а. Кажись, не шутит...

Б у б н о в. Кашлять, значит, перестанет... Кашляла она очень беспокойно... Двух беру!

М е д в е д е в. Ах, пострели тебя в сердце!

П е п е л. Абрам!

М е д в е д е в. Я тебе — не Абрам...

П е п е л. Абрашка! Наташа — хвораает?

М е д в е д е в. А тебе какое дело?

П е п е л. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

М е д в е д е в. И это дело не твое! Это — семейное дело... А ты — кто таков?

П е п е л. Кто бы я ни был, а... захочу, и не видать вам больше Наташки!

М е д в е д е в (*бросая игру*). Ты — что говоришь? Ты — про кого это? Племянница моя чтобы... ах, вор!

П е п е л. Вор, а тобой не пойман...

М е д в е д е в. погоди! Я — поймаю... я — скоро...

П е п е л. А поймаешь, — на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь — я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое принял? Мишка Костылев с женой!

М е д в е д е в. Врешь! Не поверят тебе!

П е п е л. Поверят, потому — правда! И тебя еще запутаю... ха! Погублю всех вас, черти, — увидишь!

М е д в е д е в (*теряясь*). Врешь! И... врешь! И... что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный...

П е п е л. А что ты мне хорошего сделал?

Л у к а. Та-ак!

М е д в е д е в (*Луке*). Ты... чего каркаешь? Твое тут — какое дело? Тут — семейное дело!

Б у б н о в (*Луке*). Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Л у к а (*смирненно*). Я ведь — ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил...

М е д в е д е в (*не поняв*). То-то! Мы тут... все друга друга знаем... а ты — кто такой? (*Сердито фыркая, быстро уходит.*)

Л у к а. Рассердился кавалер... охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я... путанные дела!

П е п е л. Василисе жаловаться побежал...

Б у б н о в. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось... гляди — храбрость у места, когда в лес по грибы идешь... а здесь она — ни к чему... Они тебе живо голову свернут...

П е п е л. Н-ну, нет! Нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь... Ежели война — будем воевать...

Л у к а. А в самом деле, отойти бы тебе, парень, прочь с этого места...

П е п е л. Куда? Ну-ка, выговори...

Л у к а. Иди... в Сибирь!

П е п е л. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет...

Л у к а. А ты слушай — иди-ка! Там ты себе можешь путь найти... Там таких — надобно!

П е п е л. Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал... Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын...

Л у к а. А хорошая сторона — Сибирь! Золотая сторона! Кто в силе да в разуме, тому там — как огурцу в парнике!

П е п е л. Старик! Зачем ты все врешь?

Л у к а. Ась?

П е п е л. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Л у к а. Это в чем же вру-то я?

П е п е л. Во всем... Там у тебя хорошо, здесь хорошо... ведь — врешь! На что?

Л у к а. А ты мне — поверь, да поди сам погляди... Спасибо скажешь... Чего ты тут трешься? И... чего тебе правда больно нужна... подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя...

П е п е л. А мне все едино! Обух так обух...

Л у к а. Да чудак! На что самому себя убивать?

Б у б н о в. И чего вы оба мелете? Не пойму... Ка-

кой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя... да и все ее знают...

Пепел. погоди, не каркай! Пусть он мне скажет... слушай, старик: бог есть?

Лука молчит, улыбаясь.

Бубнов. Люди все живут... как щепки по реке. плывут... строят дом... а щепки — прочь...

Пепел. Ну? Есть? Говори...

Лука (*негромко*). Коли веришь, — есть; не веришь, — нет... Во что веришь, то и есть...

Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.

Бубнов. Пойду, чаю попью... идемте в трактир? Эй!..

Лука (*Пеплу*). Чего глядишь?

Пепел. Так... погоди!.. Значит...

Бубнов. Ну, я один... (*Идет к двери и встречается с Василисой.*)

Пепел. Стало быть... ты...

Василиса (*Бубнову*). Настасья — дома?

Бубнов. Нет... (*Уходит.*)

Пепел. А... пришла...

Василиса (*подходя к Анне*). Жива еще?

Лука. Не тревожь...

Василиса. А ты... чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти... коли надо...

Василиса (*направляясь к двери в комнату Пепла*). Василий! У меня к тебе дело есть...

Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем — осторожно влезает на нары и — на печь.

(*Из комнаты Пепла.*) Вася... поди сюда!

Пепел. Не пойду... не хочу...

В а с и л и с а. А... что же? На что гневаешься?

П е п е л. Скушно мне... надоела мне вся эта кани-
тель...

В а с и л и с а. И я... надоела?

П е п е л. И ты...

Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая
руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит
за полог и возвращается к Пеплу.

Ну... говори...

В а с и л и с а. Что же говорить? Насильно мил не
будешь... и не в моем это характере милости просить...
Спасибо тебе за правду...

П е п е л. Какую правду?

В а с и л и с а. А что надоела я тебе... али это не
правда?

Пепел молча смотрит на нее.

(Подвигаясь к нему.) Что глядишь? Не узнаешь?

П е п е л (вздыхая). Красивая ты, Васка...

Женщина кладет ему руку на шею,
но он стряхивает руку ее движением плеча.

...а никогда не лежало у меня сердце к тебе... И жил я
с тобой, и всё... а никогда ты не нравилась мне...

В а с и л и с а (тихо). Та-ак... Н-ну...

П е п е л. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем... иди
от меня....

В а с и л и с а. Другая приглянулась?

П е п е л. Не твое дело... И приглянулась — в сва-
хи тебя не позову...

В а с и л и с а (значительно). А напрасно... Мо-
жет, я бы и сосватала...

П е п е л (подозрительно). Кого это?

В а с и л и с а. Ты знаешь... что притворяться?

Василий... я — человек прямой... (*Тише.*) Скрывать не буду... ты меня обидел... Ни за что ни про что — как плетью хлестнул... Говорил — любишь... и вдруг...

Пепел. Вовсе не вдруг... я давно... души в тебе нет, баба... В женщине — душа должна быть... мы — звери, нам надо... надо нас — приучать... а ты — к чему меня приучила?..

Василиса. Что было — того нет... Я знаю — человек сам в себе не волен... Не любишь больше... ладно! Так тому и быть...

Пепел. Ну, значит, и — шабаш! Разошлись смирно, без скандала... и хорошо!

Василиса. Нет, погоди! Все-таки... когда я с тобой жила... я все дожидалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться... освободишь меня от мужа, от дяди... от всей этой жизни... И, может, я не тебя, Вася, любила, а... надежду мою, думу эту любила в тебе... Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня...

Пепел. Ты — не гвоздь, я — не клещи... Я сам думал, что ты, как умная... ведь ты умная... ты — ловкая!

Василиса (*близко наклоняясь к нему*). Вася! давай... поможем друг другу...

Пепел. Как это?

Василиса (*тихо, сильно*). Сестра... тебе нравится, я знаю...

Пепел. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее — не тронь...

Василиса. Погоди! Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему... Хочешь — женись на ней? И я тебе еще денег дам... целковых... триста! Больше соберу — больше дам...

Пепел (*отодвигаясь*). Постой... как это? За что?

Василиса. Освободи меня... от мужа! Сними с меня петлю эту...

Пепел (*тихо свистит*). Вон что-о! Ого-го! Это —

ты ловко придумала... мужа, значит, в гроб, любовника — на каторгу, а сама...

В а с и л и с а. Вася! Зачем — каторга? Ты — не сам... через товарищей! Да если и сам, кто узнает? Наталья — подумай! Деньги будут... уедешь куда-нибудь... меня навек освободишь... и что сестры около меня не будет — это хорошо для нее. Видеть мне ее — трудно... злоблюсь я на нее за тебя... и сдержаться не могу... мучаю девку, бью ее... так — бью... что сама плачу от жалости к ней... А — бью. И — буду бить!

П е п е л. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

В а с и л и с а. Не хвастаюсь — правду говорю. Подумай, Вася... Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел... из-за его жадности... Он в меня, как клоп, впился... четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он — яд...

П е п е л. Хитро ты плетешь...

В а с и л и с а. В речах моих — все ясно... Только глупый не поймет, чего я хочу...

К о с т ы л е в осторожно входит и крадется вперед.

П е п е л (*Василисе*). Ну... иди!

В а с и л и с а. Подумай! (*Видит мужа.*) Ты — что? За мной?

Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.

К о с т ы л е в. Это я... я! А вы тут... одни? А-а... Вы — разговаривали? (*Вдруг топает ногами и громко визжит.*) Васка... поганая! Нищая... шкура! (*Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.*) Прости, господи... опять ты меня, Василиса, во грех ввела... Я тебя ищу везде... (*Взвизгивая.*) Спать пора! Масла в лампы забыла налить... у, ты! Нищая... свинья... (*Дрожащими руками машет на нее.*)

Василиса медленно идет к двери в сени,
оглядываясь на Пепла.

Пепел (*Костылеву*). Ты! Уйди... пошел!..
Костылев (*кричит*). Я — хозяин! Сам пошел,
да! Вор...
Пепел (*глухо*). Уйди, Мишка...
Костылев. Не смей! Я тут... я тебя...

Пепел хватается за шиворот и встряхивает. На печи
раздается громкая возня и воющее позевывание. Пепел
выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.

Пепел (*вспрыгнув на нары*). Кто это... кто на
печи?

Лука (*высовывая голову*). Ась?

Пепел. Ты?!

Лука (*спокойно*). Я... я самый... о, господи Иису-
се Христе!

Пепел (*затворяет дверь в сени, ищет запора и
не находит*). А, черти... Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас... лезу...

Пепел (*грубо*). Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь... ты в сени ушел?

Лука. Всенях, браточек, мне, старику, холодно...

Пепел. Ты... слышал?

Лука. А — слышал! Как не слышать? Али я —
глухой? Ах, парень, счастье тебе идет... Вот идет сча-
стье!

Пепел (*подозрительно*). Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А... зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что — жарко мне стало...
на твое сиротское счастье... И опять же, смекнул я,
как бы, мол, парень-то не ошибся... не придушил бы
старичка-то...

Пепел. Да-а... я это мог... ненавижу...

Л у к а. Что мудреного? Ничего нет трудного... Часто эдак-то ошибаются...

П е п е л (*улыбаясь*). Ты — что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Л у к а. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее — ни-ни! — до себя не допускай... Мужа — она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай... Гляди — какой я? Лысый... А отчего? От этих вот самых разных баб... Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было... А эта Василиса — она хуже черемиса!

П е п е л. Не понимаю я... спасибо тебе сказать, или ты... тоже...

Л у к а. Ты — не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку, да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи...

П е п е л (*угрюмо*). Не поймешь людей! Которые — добрые, которые — злые?... Ничего не понятно...

Л у к а. Чего там понимать? Всяко живет человек... как сердце налажено, так и живет... сегодня — добрый, завтра — злой... А коли девка эта за душу тебя задела всерьез... уйди с ней отсюда, и кончено... А то — один иди... Ты — молодой, успеешь бабой обзавестись...

П е п е л (*берет его за плечо*). Нет, ты скажи — за чем ты все это...

Л у к а. Погоди-ка,пусти... Погляжу я на Анну... чего-то она хрипела больно... (*Идет к постели Анны, открывает полог, смотрит, трогает рукой.*)

Пепел задумчиво и растеряннo следит за ним.

Исусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими...

П е п е л (*тихо*). Умерла?... (*Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.*)

Л у к а (*тихо*). Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

П е п е л. В трактире, наверно...

Л у к а. Надо сказать...

П е п е л (*вздрагивая*). Не люблю покойников...

Л у к а (*идет к двери*). За что их любить?.. Любить — живых надо... живых...

П е п е л. И я с тобой...

Л у к а. Боишься?

П е п е л. Не люблю...

Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный.

Потом — входит А к т е р.

А к т е р (*останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит*). Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил... слушай. (*Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.*)

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Н а т а ш а является сзади Актера в двери.

Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь...

Н а т а ш а (*смеется*). Чучело! Нализался...

А к т е р (*оборачиваясь к ней*). А-а, это ты? А — где старичок... милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет... Наташа, прощай! Прощай... да!

Н а т а ш а (*входя*). Не здоровался, а прощаешься...

А к т е р (*загораживая ей дорогу*). Я — уезжаю, ухожу... Настанет весна — и меня больше нет...

Н а т а ш а. Пусти-ка... куда это ты?

А к т е р. Искать город... лечиться... Ты — тоже уходи... Офелия... иди в монастырь... Понимаешь — есть лечебница для организмов... для пьяниц... Превосходная лечебница... Мрамор... мраморный пол! Свет... чистота, пища... всё — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и... снова буду... Я на пути к возрождению... как сказал король... Лир! Наташа... по сцене мое имя Сверчков-Заволжский... никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени... Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички...

Наташа осторожно обходит Актера,
останавливается у кровати Анны, смотрит.

Без имени — нет человека...

Н а т а ш а. Гляди... голубчик... померла ведь...

А к т е р (*качая головой*). Не может быть...

Н а т а ш а (*отступая*). Ей-богу... смотри...

Б у б н о в (*в двери*). Чего смотреть?

Н а т а ш а. Анна-то... померла!

Б у б н о в. Кашлять перестала, значит. (*Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.*) Надо Клецу сказать... это — его дело...

А к т е р. Я иду... скажу... потеряла имя!.. (*Уходит.*)

Н а т а ш а (*посреди комнаты*). Вот и я... когда-нибудь так же... в подвале... забитая...

Б у б н о в (*растилая на своих нарах какое-то тряпье*). Чего? Ты чего бормочешь?

Н а т а ш а. Так... про себя...

Б у б н о в. Ваську ждешь? Гляди — сломит тебе голову Васька...

Н а т а ш а. А не все равно — кто сломит? Уж пускай лучше он...

Б у б н о в (*ложится*). Ну, твое дело...

Н а т а ш а. Ведь вот... хорошо, что она умерла... а жалко... Господи!.. Зачем жил человек?

Б у б н о в. Все так: рождаются, проживут, умирают. И я помру... и ты... Чего жалеть?

Входят: Л у к а, Т а т а р и н, К р и в о й З о б и К л е щ.

Клещ идет сзади всех, медленно, съезжившись.

Н а т а ш а. Ш-ш! Анна...

К р и в о й З о б. Слышали... царство небесное, коли померла...

Т а т а р и н (*Клещу*). Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь — мертвый — нельзя, здесь — живой спать будет...

К л е щ (*негромко*). Вытащим...

Все подходят к постели. Клещ смотрит на жену через плечи других.

К р и в о й З о б (*Татарину*). Ты думаешь — дух пойдет? От нее духа не будет... она вся еще живая высохла...

Н а т а ш а. Господи! Хоть бы пожалели... хоть бы кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы...

Л у к а. Ты, девушка, не обижайся... ничего! Где им... куда нам — мертвых жалеть? Э, милая! Живых — не жалеем... сами себя пожалеть-то не можем... где тут!

Б у б н о в (*зевая*). И опять же — смерть слова не боится!.. Болезнь — боится слова, а смерть — нет!

Т а т а р и н (*отходя*). Полицию надо...

К р и в о й З о б. Полицию — это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

К л е щ. Нет... Хоронить надо... а у меня сорок копеек всего...

К р и в о й З о б. Ну, на такой случай — займи... а то мы соберем... кто пятак, кто — сколько может... А полиции заяви... скорее! А то она подумает — убил ты бабу... или что... (*Идет к нарам и собирается лечь рядом с Татаринцом.*)

Н а т а ш а (*отходя к нарам Бубнова*). Вот... будет она мне сниться теперь, мне всегда покойники снятся... боюсь идти одна... в сенях — темно...

Л у к а (*следуя за ней*). Ты — живых опасайся... вот что я скажу...

Н а т а ш а. Проводи меня, дедушка...

Л у к а. Идем... идем, провожу!

Уходят. Пауза.

К р и в о й З о б. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг... тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят... пахать налаживаются... н-да! А мы... Асан?... Дрыхнет уж, Магомет ока-янный...

Б у б н о в. Татары спать любят...

К л е щ (*стоит посредине ночлежки и тупо смотрит пред собой*). Чего же мне теперь делать?

К р и в о й З о б. Ложись да спи... только и всего...

К л е щ (*тихо*). А... она... как же?

Никто не отвечает ему. С а т и н и А к т е р входят.

А к т е р (*кричит*). Старик! Сюда, мой верный Кент...

С а т и н. Миклуха-Маклай идет... х-хо!

А к т е р. Кончено и решено! Старик, где город... где ты?

С а т и н. Фата-моргана! Наврал тебе старик... Ничего нет! Нет городов, нет людей... ничего нет!

А к т е р. Врешь!

Т а т а р и н (*вскакивая*). Где хозяин? Хозяину иду!

Нельзя спать — нельзя деньги брать... Мертвые... пьяные... (*Быстро уходит.*)

Сатин свистит вслед ему.

Б у б н о в (*сонным голосом*). Ложись, ребята, не шуми... ночью — спать надо!

А к т е р. Да... здесь — ага! Мертвец... «Наши сети притащили мертвеца»... стихотворение... Б-беранжера!

С а т и н (*кричит*). Мертвецы — не слышат! Мертвецы не чувствуют... Кричи... реви... мертвецы не слышат!..

В двери является Л у к а.

З а н а в е с

Действие третье

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на середину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом Н а -

та ша и На ст я. На дровнях — Лу ка и Бар он. К ле щ лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа Бу б но в а.

На ст я (*закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает*). Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый как мел, а в руках у него леворверт...

На та ша (*грызет семечки*). Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

На ст я. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Бу б но в. Хо-хо! Драгоценная?

Ба ро н. Погоди! Не люблю — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

На ст я. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни...» А леворверт у него — огромный и заряжен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решил я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Бу б но в (*удивленный*). Чего-о? Как? Краул?

Ба ро н (*хохочет*). Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

На ст я (*вскакивая*). Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! (*Барону*). Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лежа кофей пил...

Лу ка. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку... не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бу б но в. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Барон. Ну — дальше!

Наташа. Не слушай их... что они? Они — из зависти это... про себя им сказать нечего...

Настя *(снова садится)*. Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.)* И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты — вся их радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я — одна... я — таковская! Пускай уж я... погибая, — все равно! Я — никуда не гожусь... и нет мне ничего... нет ничего...» *(Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.)*

Наташа *(отвертываясь в сторону, негромко)*. Не плачь... не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Бубнов *(хохочет)*. Ах... чертова кукла! а?

Барон *(тоже смеется)*. Дедка! Ты думаешь — это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»... Все это — ерунда!. Брось ее!..

Наташа. А тебе что? Ты! Молчи уж... коли бог убил...

Настя *(яростно)*. Пропадающая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Лука *(берет Настю за руку)*. Уйдем, милая! ничего... не сердись! Я — знаю... Я — верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то... Он... может, и впрямь

из зависти смеется... у него, может, вовсе не было настоящего-то... ничего не было! Пойдем-ка!..

Н а с т я (*крепко прижимая руки ко груди*). Дедушка! Ей-богу... было это! Все было!.. Студент он... француз был... Гастошей звали... с черной бородкой... в лаковых сапогах ходил... разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил... так любил!

Л у к а. Я — знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-яй! Ну — и ты его тоже — любила?

Уходят за угол.

Б а р о н. Ну и глупа же эта девица... добрая, но... глупа — нестерпимо!

Б у б н о в. И чего это... человек врать так любит? Всегда — как перед следователем стоит... право!

Н а т ш а. Видно, вранье-то... приятнее правды... Я — тоже...

Б а р о н. Что — тоже? Дальше?!

Н а т а ш а. Выдумываю... Выдумываю и — жду...

Б а р о н. Чего?

Н а т а ш а (*смущенно улыбаясь*). Так... Вот, думаю, завтра... приедет кто-то... кто-нибудь... особенный... Или — случится что-нибудь... тоже — небывалое... Подолгу жду... всегда — жду... А так... на самом деле — чего можно ждать?

Пауза.

Б а р о н (*с усмешкой*). Нечего ждать... Я — ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

Н а т а ш а. А то... вообразу себе, что завтра я... скоропостижно помру... И станет от этого — жутко... Летом хорошо воображать про смерть... грозы бывают летом... всегда может грозой убить...

Б а р о н. Нехорошо тебе жить... эта сестра твоя... дьявольский характер!

Н а т а ш а. А кому — хорошо жить? Всем плохо... я вижу...

К л е щ *(до этой поры неподвижный и безучастный — вдруг вскакивает)*. Всем? Врешь! Не всем! Кабы — всем... пускай! Тогда — не обидно... да!

Б у б н о в. Что тебя — черт боднул? Ишь ты... взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Б а р о н. А... надо мне к Настёнке мириться идти... не помиришься — на выпивку не даст...

Б у б н о в. Мм... Любят врать люди... Ну, Настька... дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать... вот и душу хочет подкрасить... румянец на душу наводит... А... другие — зачем? Вот — Лука, примерно... много он врет... и без всякой пользы для себя... Старик уж... Зачем бы ему?

Б а р о н *(усмехаясь, отходит)*. У всех людей — души серенькие... все подрумяниться желают...

Л у к а *(выходит из-за угла)*. Ты, барин, зачем девушку тревожишь? Ты бы не мешал ей... пускай плачет-забавляется... Она ведь для своего удовольствия слезы льет... чем тебе это вредно?

Б а р о н. Глупо, старик! Надоела она... Сегодня — Рауль, завтра — Гастон... а всегда одно и то же! Впрочем — я иду мириться с ней... *(Уходит.)*

Л у к а. Поди-ка, вот... приласкай! Человека приласкать — никогда не вредно...

Н а т а ш а. Добрый ты, дедушка... Отчего ты — такой добрый?

Л у к а. Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так... да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел...

Я те скажу — вовремя человека пожалеть... хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче... у инженера одного под Томском городом... Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое... а зима была, и — один я, на даче-то... Славно — хорошо! Только раз — слышу — лезут!

Н а т а ш а. Воры?

Л у к а. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел... Гляжу — двое... открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором... Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать, — пусти! Ну, а я уж того... осердился... за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли... а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой — пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они... и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая (*смеется*)... вот те и с топором! Да... Хорошие мужики оба... Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят... просишь-просишь, а никто не дает... обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один, — Степаном звать, — возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес... А другой — Яков был, все хворал, кашлял все... Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. Пришла весна — прощай, говорят, дедушка! И ушли... в Россию побрели...

Н а т а ш а. Они беглые? Каторжане?

Л у к а. Действительно — так, — беглые... с поселения ушли... Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы может, убили меня... али еще что... А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь... что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит... а человек — на-

учит... да! Человек — может добру научить... очень просто!

Пауза.

Б у б н о в. Мм-да!.. А я вот... не умею врать! Зачем? По-моему — вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

К л е щ (*вдруг снова вскакивает, как обожженный, и кричит*). Какая — правда? Где — правда? (*Треплет руками лохмотья на себе.*) Вот — правда! Работы нет... силы нет! Вот — правда! Пристанища... пристанища нету! Издыхать надо... вот она, правда! Дьявол! На... на что мне она — правда? Дай вздохнуть... вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне — правду? Жить — дьявол — жить нельзя... вот она — правда!..

Б у б н о в. Вот так... забрало!..

Л у к а. Господи Иисусе... слышь-ка, милый! Ты...

К л е щ (*дрожит от возбуждения*). Говорите тут — правда! Ты, старик, утешаешь всех... Я тебе скажу... ненавижу я всех! И эту правду... будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она — проклята! (*Бежит за угол, оглядываясь.*)

Л у к а. Ай-яй-ай! Как встревожился человек... И куда побежал?

Н а т а ш а. Все равно как рехнулся...

Б у б н о в. Здорово пущено! Как в театре разыграл... Бывает это, частенько... Не привык еще к жизни-то...

П е п е л (*медленно выходит из-за угла*). Мир честной компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Л у к а. Видел бы ты... как тут человек кричал!

П е п е л. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит как ошпаренный...

Л у к а. Побежишь, если этак... к сердцу подступит...

П е п е л (*садится*). Не люблю его... больно он зол да горд. (*Передразнивая Клещу*.) «Я — рабочий человек». И — все его ниже будто... Работай, коли нравится... чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить... тогда лошадь лучше всякого человека... возит — и молчит! Наташа! Твои — дома?

Н а т а ш а. На кладбище ушли... потом — ко всеобщей хотели...

П е п е л. То-то, я гляжу, свободна ты... редкость!

Л у к а (*задумчиво, Бубнову*). Вот... ты говоришь — правда... Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку... не всегда правдой душу вылечишь... Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил...

Б у б н о в. Во что-о?

Л у к а. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле — особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-просто — помогают... и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо... и, когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду... а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю...» Одна у него радость была — земля эта...

П е п е л. Ну? Пошел?

Б у б н о в. Куда? Хо-хо!

Л у к а. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого... с книгами, с планами он, ученый-то, и со всякими штуками... Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-гляддел — нет нигде праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

П е п е л (*негромко*). Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Н а т а ш а. Погоди ты... ну, дедушка?

Л у к а. Человек — не верит... Должна, говорит, быть... ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет... Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты... сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. (*Помолчав.*) А после того пошел домой — и удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

П е п е л (*негромко*). Ч-черт те возьми... история — невеселая...

Н а т а ш а. Не стерпел обмана...

Б у б н о в (*угрюмо*). Всё — сказки...

П е п е л. Н-да... вот те и праведная земля... не оказалось, значит...

Н а т а ш а. Жалко... человека-то...

Б у б н о в. Все — выдумки... тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо! (*Исчезает из окна.*)

Л у к а (*кивая головой на окно Бубнова*). Смеется! Эхе-хе...

Пауза.

Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас...

П е п е л. Куда теперь?

Л у к а. В хохлы... Слыхал я — открыли там новую веру... поглядеть надо... да!.. Всё ищут люди, все хотят — как лучше... дай им, Господи, терпенья!

П е п е л. Как думаешь... найдут?

Л у к а. Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет... Кто крепко хочет — найдет!

Н а т а ш а. Кабы нашли что-нибудь... придумали бы получше что...

Л у к а. Они — придумают! Помогать только надо им, девонька... уважать надо...

Н а т а ш а. Как я помогу? Я сама... без помощи...

П е п е л (*решительно*). Опять я... снова я буду говорить с тобой... Наташа... Вот — при нем... он — все знает... Иди... со мной!

Н а т а ш а. Куда? По тюрьмам?

П е п е л. Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный... буду работать... Вот он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти... Едем туда, ну?.. Ты думаешь — моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю... вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут... только это мне не помогает! Это... не то! Я — не каюсь... в совесть я не верю... Но — я одно чувствую: надо жить... иначе! Лучше надо жить! Надо так жить... чтобы самому себя можно мне было уважать...

Л у к а. Верно, милый! Дай тебе господи... помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя...

П е п е л. Я — сызмалетства — вор... все, всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ах? Так? Ну — нате! Вот — я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то... оттого я вор, что другим именем никто, никогда не догадался назвать меня... Назови ты... Наташа, ну?

Н а т а ш а (*грустно*). Не верю я как-то... никаким словам. И беспокоюсь мне сегодня... сердце щемит... будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий, разговор этот сегодня завел...

П е п е л. Когда же? Я не первый раз говорю...

Н а т а ш а. И что же я с тобой пойду? Ведь... любить тебя... не очень я люблю... Иной раз — нравишь-

ся ты мне... а когда — глядеть на тебя тошно... Видно — не люблю я тебя... когда любят — плохого в любимом не видят... а я — вижу...

Пепел. Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу к себе... ты только согласишься! Больше года я смотрел на тебя... вижу, ты девица строгая... хорошая... надежный человек... очень полюбил тебя!..

Василиса, нарядная, является в окне
и, стоя у косяка, слушает.

Наташа. Так. Меня — полюбил, а сестру мою...

Пепел (*смущенно*). Ну, что она? Мало ли... эдаких-то...

Лука. Ты... ничего, девушка! Хлеба нету, — лебеду едят... если хлебушка-то нету...

Пепел (*угрюмо*). Ты... пожалей меня! Несладко живу... волчья жизнь — мало радует... Как в трясине тону... за что ни схватишься... все — гнилое... все — не держит... Сестра твоя... я думал, она... не то... Ежели бы она... не жадная до денег была — я бы ее ради... на все пошел!.. Лишь бы она — вся моя была... Ну, ей другого надо... ей — денег надо... и воли надо... а воля ей — чтобы развратничать. Она — помочь мне не может... А ты — как молодая елочка — и колешься, а удержишь...

Лука. И я скажу — иди за него, девонька, иди! Он — парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит... Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты — хороший человек... не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти кроме-то? Сестра у тебя — зверь злой... про мужа про нее — и сказать нечего: хуже всяких слов старик... и вся эта здешняя жизнь... куда тебе идти? А парень — крепкий...

Наташа. Идти некуда... я знаю... думала... Только вот... не верю я никому... А идти мне — некуда...

П е п е л. Одна дорога... ну, на эту дорогу я не допущу... Лучше убью...

Н а т а ш а (*улыбаясь*). Вот... еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

П е п е л (*обнимает ее*). Брось, Наташа! Все равно!..

Н а т а ш а (*прижимаясь к нему*). Ну... одно я тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я — себя не пожалею... или сама удавлюсь, или...

П е п е л. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Л у к а. Ничего, не сомневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он — тебе...

В а с и л и с а (*из окна*). Вот и сосватались! Совет да любовь!

Н а т а ш а. Пришли!.. ох, господи! Видели... эх, Василий!

П е п е л. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

В а с и л и с а. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет... Он ни бить, ни любить не может... я знаю!

Л у к а (*негромко*). Ах, баба... гадюка ядовитая...

В а с и л и с а. Он больше на словах удал...

К о с т ы л е в (*выходит*). Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол собрано?

Н а т а ш а (*уходя*). Да ведь вы в церковь идти хотели...

К о с т ы л е в. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать... что тебе приказано!

П е п е л. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга... Наталья, не ходи... не делай ничего!..

Н а т а ш а. Ты — не командуй... рано еще! (*Уходит.*)

П е п е л (*Костылеву*). Будет вам! Поиздевались над человеком... достаточно! Теперь она — моя!

К о с т ы л е в. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

Василиса хохочет.

Л у к а. Вася! Ты — уйди...

П е п е л. Глядите вы... веселые! Не заплакать бы вам!

В а с и л и с а. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Л у к а. Василий — уйди! Видишь — подстрекает она тебя... подзадоривает — понимаешь?

П е п е л. Да... ага! Врет... врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

В а с и л и с а. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

П е п е л (*грозит ей кулаком*). Поглядим!.. (*Уходит.*)

В а с и л и с а (*исчезая из окна*). Устрою я тебе свадьбку!

К о с т ы л е в (*подходит к Луке*). Что, старичок?

Л у к а. Ничего, старичок!..

К о с т ы л е в. Так... Уходишь, говорят?

Л у к а. Пора...

К о с т ы л е в. Куда?

Л у к а. Куда глаза поведут...

К о с т ы л е в. Бродяжить, значит... Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Л у к а. Под лежач камень — сказано — и вода не течет...

К о с т ы л е в. То — камень. А человек должен на одном месте жить... Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили... Куда кто хочет — туда и ползет... Человек должен определять себя к месту... а не путаться зря на земле...

Л у к а. А если которому — везде место?

К о с т ы л е в. Стало быть, он — бродяга... бесполезный человек... Нужно, чтоб от человека польза была... чтобы он работал...

Л у к а. Ишь ты!

К о с т ы л е в. Да. А как же?.. Что такое... странник? Станный человек... не похожий на других... Ежели он — настояще странный... что-нибудь знает... что-нибудь узнал эдакое... не нужное никому... может, он и правду узнал там... ну, не всякая правда нужна... да! Он — про себя ее храни... и — молчи! Ежели он настояще-то... странный... он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно... И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит... Как люди живут — не его дело... Он должен преследовать праведную жизнь... должен жить в лесах... в трущобах... невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать... а за всех — молиться... за все мирские грехи... за мои, за твои... за все! Он для того и суеты мирской бежит... чтобы молиться. Вот как...

Пауза.

А ты... какой ты странник?.. Пачпорта не имеешь. Хороший человек должен иметь пачпорт... Все хорошие люди пачпорта имеют... да!..

Л у к а. Есть — люди, а есть — иные — и человеки...

К о с т ы л е в. Ты... не мудри! Загадок не загадывай... Я тебя не глупее... Что такое — люди и человеки?

Л у к а. Где тут загадка? Я говорю — есть земля неудобная для посева... и есть урожайная земля... что ни посеешь на ней — родит... Так-то вот...

К о с т ы л е в. Ну? Это к чему же?

Л у к а. Вот ты, примерно... Ежели тебе сам Господь Бог скажет: «Михайло! Будь человеком!..» Все равно — никакого толку не будет... как ты есть — так и останешься...

К о с т ы л е в. А... а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я...

В а с и л и с а (*входит*). Михайла Иваныч, иди чай пить.

К о с т ы л е в (*Луке*). Ты... вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

В а с и л и с а. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен... Да и кто знает?.. может, ты беглый какой...

К о с т ы л е в. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я... смотри!

Л у к а. Дядю позовешь? Позови дядю... Беглого, мол, изловил... Награду дядя получить может... копейки три...

Б у б н о в (*в окне*). Чем тут торгуют? За что — три копейки?

Л у к а. Меня вот грозятся продать...

В а с и л и с а (*мужу*). Идем...

Б у б н о в. За три копейки? Ну, гляди, старик... Они и за копейку продадут...

К о с т ы л е в (*Бубнову*). Ты... вытаращился, ровно домовый из-под печки! (*Идет с женой.*)

В а с и л и с а. Сколько на свете темных людей... и жуликов разных!..

Л у к а. Приятного вам аппетиту!..

В а с и л и с а (*оборачиваясь*). Попридержи язык... гриб поганый! (*Уходит с мужем за угол.*)

Л у к а. Сегодня в ночь — уйду...

Б у б н о в. Это — лучше. Вовремя уйти всегда лучше...

Л у к а. Верно говоришь...

Б у б н о в. Я — знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Л у к а. Ну?

Б у б н о в. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась... Мастер, положим, хороший... очень он ловко собак в енотов перекрашивал... кошек тоже — в кенгурий мех... выхухоль... и всяко. Ловкач. Так вот — связалась с ним жена... и так они крепко друг за друга взялись, что — того и гляди — либо отравят меня, либо еще как со света сживут. Я было — жену бить... а мастер — меня... Очень злобно дрался!

Раз — половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился... однажды жену по башке железным аршином ткнул... и вообще — большая война началась! Однако вижу — ничего эдак не выйдет... одолевают они меня! И задумал я тут — укокошить жену... крепко задумал! Но вовремя спохватился — ушел...

Л у к а. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Б у б н о в. Только... мастерская-то на жену была... и остался я — как видишь! Хоть, по правде говоря, пропил бы я мастерскую... Запой у меня, видишь ли...

Л у к а. Запой? А-а!

Б у б н о в. Злющий запой! Как начну я заливать — весь пропьюсь, одна кожа остается... И еще — ленив я. Страсть как работать не люблю!..

С а т и н и А к т е р входят, споря.

С а т и н. Чепуха! Никуда ты не пойдешь... все это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

А к т е р. Врешь! Дед! Скажи ему, что он — врет! Я — иду! Я сегодня — работал, мел улицу... а водки — не пил! Каково? Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв!

С а т и н. Нелепо, и всё тут! Дай, я пропью... а то — проиграю...

А к т е р. Пошел прочь! Это — на дорогу!

Л у к а (*Сатину*). А ты — почто его с толку сбиваешь?

С а т и н. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, — что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я — вдребезги! Еще не все пропало, дед, — есть на свете шулера поумнее меня!

Л у к а. Веселый ты, Костянтин... приятный!

Б у б н о в. Актер! Поди-ка сюда!

Актер идет к окну и садится пред ним на корточки.
Вполголоса разговаривают.

С а т и н. Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень... плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей... славно!

Л у к а. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

С а т и н. Какой ты любопытный, старикашка! Все тебе знать... а — зачем?

Л у к а. Понять хочется дела-то человеческие... а на тебя гляжу — не понимаю! Эдакий ты бравый... Костянтин... неглупый... и вдруг...

С а т и н. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел... а после тюрьмы — нет ходу!

Л у к а. Ого-го! За что сидел-то?

С а т и н. За подлеца... убил подлеца в запальчивости и раздражении... В тюрьме я и в карты играть научился...

Л у к а. А убил — из-за бабы?

С а т и н. Из-за родной сестры... Однако — ты отвяжись! Я не люблю, когда меня расспрашивают... И... все это было давно... сестра — умерла... уже девять лет... прошло... Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Л у к а. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча тут... слесарь — так взвыл... а-а-яй!

С а т и н. Клещ?

Л у к а. Он. «Работы, кричит, нету... ничего нету!»

С а т и н. Привыкнет... Чем бы мне заняться?

Л у к а (*тихо*). Гляди! Идет...

К л е щ идет — медленно, низко опустив голову.

С а т и н. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

К л е щ. Думаю... чего делать буду? Инструмента — нет... всё — похороны съели!

С а т и н. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто — обременяй землю!..

К л е щ. Ладно... говори... Я — стыд имею перед людьми...

С а т и н. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется... Подумай — ты не станешь работать, я — не стану... еще сотни... тысячи все! — понимаешь? все бросают работать! Никто, ничего не хочет делать — что тогда будет?

К л е щ. С голоду подохнут все...

Л у к а (*Сатину*). Тебе бы с такими речами к бегунам идти... Есть такие люди, бегуны называются...

С а т и н. Я знаю... они — не дураки, дедка!

Из окна Костылевых доносится крик Наташи:

«За что? Постой... за что-о?»

Л у к а (*беспокойно*). Наташа? Она кричит? а? Ах ты...

В квартире Костылевых — шум, возня; звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а... еретица... шкуреха...»

В а с и л и с а. Стой... погоди... Я ее... вот... вот...

Н а т а ш а. Бьют! Убивают...

С а т и н (*кричит в окно*). Эй, вы там!

Л у к а (*суется*). Василья бы... позвать бы Васю-то... ах, господа! Братцы... ребята...

А к т е р (*убегая*). Вот я... сейчас его...

Б у б н о в. Ну и часто они ее бить стали...

С а т и н. Идем, старик... свидетелями будем!

Л у к а (*идет вслед за Сатиным*). Какой я свидетель! Куда уж... Василья-то бы скорее... Э-эхма!..

Н а т а ш а. Сестра... сестрица... Ва-а-а...

Б у б н о в. Рот заткнули... пойду взгляну...

Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене — тихо. Вечерний сумрак.

К л е щ (*безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала — невнятно, далее —*). Как же?.. Надо жить... (*Громко.*) Пристанище надо... ну? Нет пристанища... ничего нет! Один человек... один, весь тут... Помощи нет... (*Медленно, согнувшись, уходит.*)

Несколько секунд зловещей тишины.
Потом — где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.

В а с и л и с а. Я ей — сестра! Пусти...
К о с т ы л е в. Какое ты имеешь право?
В а с и л и с а. Каторжник...
С а т и н. Ваську зови!.. скорее... Зоб — бей его!

Полицейский свисток.

Т а т а р и н (*выбегает. Правая рука у него на перевязи*). Какой-такой закон есть — днем убивать?

К р и в о й З о б (*за ним Медведев*). Эх, и дал я ему разочек!

М е д в е д е в. Ты — как можешь драться?

Т а т а р и н. А ты? Твоя какая обязанность?

М е д в е д е в (*гонится за крючником*). Стой! Отдай свисток...

К о с т ы л е в (*выбегает*). Абрам! Хватай... бери его! Убил...

Из-за угла выходят К в а ш н я и Н а с т я — они ведут под руки Наташу, растрепанную. С а т и н пятится задом, от-

талкивая В а с и л и с у, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает как бесноватый А л е ш к а, свистит ей в уши, кричит, воеет. Потом еще несколько оборванных фигур м у ж ч и н и ж е н щ и н.

С а т и н (*Василисе*). Куда? Сова, проклятая...

В а с и л и с а. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а — растерзаю...

К в а ш н я (*отводя Наташу*). А ты, Карповна, полно... постыдись! Что зверствуешь?

М е д в е д е в (*хватает Сатина*). Ага... попал!

С а т и н. Зоб! Лупи их!.. Васька... Васька!

Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

П е п е л (*выскочив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех*). Где — Наталья? Ты...

К о с т ы л е в (*скрываясь за углом*). Абрам! Хватай Ваську... братцы — помогите Ваську взять! Вора... грабителя...

П е п е л. А, ты... блудня старая! (*Сильно размахнувшись, бьет старика.*)

Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела. Пепел бросается к Наташе.

В а с и л и с а. Бейте Ваську! Голубчики... бейте вора!

М е д в е д е в (*кричит Сатину*). Не можешь... тут — дело семейное! Они — родные... а ты кто?

П е п е л. Как... чем она тебя? Ножом?

К в а ш н я. Гляди-ко, звери какие. Кипятком ноги девке сварили...

Н а с т я. Самовар опрокинули...

Т а т а р и н. Может — нечаянно... надо — верно знать... нельзя зря говорить...

Н а т а ш а (*почти в обмороке*). Василий... возьми меня... схорони меня...

В а с и л и с а. Батюшки! Глядите-ка... смотрите-ка... помер! Убили...

Все толпятся у прохода, около Костылева.
Из толпы выходит Бубнов, идет к Василию.

Б у б н о в (*негромко*). Васька! Старик-то... того... готов!

П е п е л (*смотрит на него, как бы не понимая*). Иди... зови... в больницу надо... ну, я рассчитаюсь с ними!

Б у б н о в. Я говорю — старика-то кто-то уложил...

Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдельные возгласы вполголоса: «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах, черт!», «Теперь — держись!», «Айда прочь, покуда полиции нет!» Толпа становится меньше. Уходят Бубнов, Татарин. Настя и Квашня бросаются к труп Костылева.

В а с и л и с а (*поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом*). Убили! Мужа моего... вот кто убил! Васька убил! Я — видела! Голубчики — я видела! Что — Вася? Полиция!

П е п е л (*отходит от Наташи*). Пусти... прочь! (*Смотрит на старика. Василисе.*) Ну? рада? (*Трогает труп ногой.*) Околел... старый пес! По-твоему вышло... А... не прихлопнуть ли и тебя? (*Бросается на нее.*)

Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его.
Василиса — скрывается в проулке.

С а т и н. Опомнись!

К р и в о й З о б. Тпруу! Куда скачешь?

В а с и л и с а (*появляясь*). Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь... Полиция! Абрам... свисти!

М е д в е д е в. Свисток сорвали, дьяволы.
А л е ш к а. Вот он! (*Свистит.*)

Медведев бежит за ним.

С а т и н (*отводя Пепла к Наташе*). Васька — не трусь! Убийство в драке... пустяки! Это — недорого стоит...

В а с и л и с а. Держите Ваську! Он убил... я видела!

С а т и н. Я тоже раза три ударил старика... Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька...

П е п е л. Мне... оправдываться не надо... Мне — Василису надо подвести... я же ее подведу! Она этого хотела... Она меня подговаривала мужа убить... подговаривала!..

Н а т а ш а (*вдруг громко*). А-а... я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он... они заодно! Они все это подстроили! Так, Василий?.. Ты... для того со мной давеча говорил... чтобы она все слышала? Люди добрые! Она — его любовница... вы — знаете... это — все знают... они — заодно! Она... это она его подговорила мужа убить... муж им мешал... и я — мешала... Вот — изувечили меня...

П е п е л. Наталья! Что ты... что ты?!

С а т и н. Вот-так... черт!

В а с и л и с а. Врешь! Врет она... я... он, Васька, убил!

Н а т а ш а. Они — заодно! Будь вы прокляты! Вы оба...

С а т и н. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

К р и в о й З о б. Понять невозможно!.. Ах ты... дела!

П е п е л. Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто веришь, что я... с ней...

С а т и н. Ей-богу, Наташа, ты... сообрази!

В а с и л и с а (*в проулке*). Убили мужа моего...

ваше благородие... Васька Пепел, вор... он убил... господин пристав! Я — видела... все видели...

Н а т а ш а (*мечется почти в беспамятстве*). Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай... вот эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вот он, проклятый! — они убили! Берите их... судите... Возьмите и меня... в тюрьму меня! Христа ради в тюрьму меня!..

З а н а в е с

Действие четвертое

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла — нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, — нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит Т а т а р и н, возится и стонет изредка. За столом сидит К л е щ; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола — С а т и н, Б а р о н и Н а с т я. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет А к т е р. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе — ветер.

К л е щ. Д-да... он во время суматохи этой и пропал...

Б а р о н. Исчез от полиции... яко дым от лица огня...

С а т и н. Тако исчезают грешники от лица праведных!

Н а с т я. Хороший был старичок!.. А вы... не люди... вы — ржавчина!

Б а р о н (*пьет*). За ваше здоровье, леди!

С а т и н. Любопытный старикан... да! Вот Настёнка — влюбилась в него...

Н а с т я. И влюбилась... и полюбила! Верно! Он — все видел... все понимал...

С а т и н (*смеясь*). И вообще... для многих был... как мякиш для беззубых...

Б а р о н (*смеясь*). Как пластырь для нарывов...

К л е щ. Он... жалостливый был... у вас вот... жалости нет...

С а т и н. Какая польза тебе, если я тебя пожалею?..

К л е щ. Ты — можешь... не то, что пожалеть можешь... ты умеешь не обижать...

Т а т а р и н (*садится на нарах и качает свою больную руку, как ребенка*). Старик хорош был... закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

Б а р о н. Какой закон, князь?

Т а т а р и н. Такой... Разный... Знаешь какой...

Б а р о н. Дальше!

Т а т а р и н. Не обижай человека — вот закон!

С а т и н. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»...

Б а р о н. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»...

Т а т а р и н. Коран называет... ваш Коран должна быть закон... Душа — должен быть Коран... да!

К л е щ (*пробуя гармонию*). Шипит, дьявол!.. А князь верно говорит... надо жить — по закону... по Евангелию...

С а т и н. Живи...

Б а р о н. Попробуй...

Т а т а р и н. Магомет дал Коран, сказал: «Вот — закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время — коран будет мало... время даст свой закон, новый... Всякое время дает свой закон...

С а т и н. Ну да... пришло время и дало «Уложение о наказаниях»... Крепкий закон... не скоро износишь!

Н а с т я (*ударяет стаканом по столу*). И чего... зачем я живу здесь... с вами? Уйду... пойду куда-нибудь... на край света!

Б а р о н. Без башмаков, леди?

Н а с т я. Голая! На четвереньках поползу!

Б а р о н. Это будет картинно, леди... если на четвереньках...

Н а с т я. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи... ах, опротивело мне все! Вся жизнь... все люди!..

С а т и н. Пойдешь — так захвати с собой Актера... Он туда же собирается... ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органовов...

А к т е р (*высовываясь с печи*). Органи-змов, дурак!

С а т и н. Для органовов, отравленных алкоголем...

А к т е р. Да! Он — уйдет! Он уйдет... увидите!

Б а р о н. Кто — он, сэр?

А к т е р. Я!

Б а р о н. Мерси, служитель богини... как ее? Богиня драм, трагедии... как ее звали?

А к т е р. Муза, болван! Не богиня, а — муза!

С а т и н. Лахеза... Гера... Афродита... Атропа... черт их разберет! Это все старик... навинтил Актера... понимаешь, Барон?

Б а р о н. Старик — глуп...

А к т е р. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите — он уйдет! «Обжирайтесь, мрачные умы»... стихотворение Беранжера... да! Он — найдет себе место... где нет... нет...

Б а р о н. Ничего нет, сэр?

А к т е р. Да! Ничего! «Яма эта... будет мне могилой... умираю, немощный и хилый!» Зачем вы живете? Зачем?

Б а р о н. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

А к т е р. Врешь! Буду орать!

Н а с т я (*поднимая голову со стола, взмахивает руками*). Кричи! Пусть слушают!

Б а р о н. Какой смысл, леди?

С а т и н. Оставь их. Барон! К черту!.. Пускай кричат... разбивают себе головы... пускай! Смысл тут

есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик... Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей...

К л е щ. Поманил их куда-то... а сам — дорогу не сказал...

Б а р о н. Старик — шарлатан...

Н а с т я. Врешь! Ты сам — шарлатан!

Б а р о н. Цыц, леди!

К л е щ. Правды он... не любил, старик-то... Очень против правды восставал... так и надо! Верно — какая тут правда? И без нее — дышать нечем... Вон князь... руку-то раздавил на работе... отпилить напроць руку-то придется, слышь... вот те и правда!

С а т и н (*ударя кулаком по столу*). Молчать! Вы — все — скоты! Дубье... молчать о старике! (*Спокойнее.*) Ты, Барон, — всех хуже!.. Ты — ничего не понимаешь... и — врешь! Старик — не шарлатан! Что такое — правда? Человек — вот правда! Он это понимал... вы — нет! Вы — тупы, как кирпичи... Я — понимаю старика... да! Он врал... но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему... я — знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая... ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего... и обвиняет умирающих с голода... Я — знаю ложь! Кто слаб душой... и кто живет чужими соками, — тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!

Б а р о н. Bravo! Прекрасно сказано! Я — согласен! Ты говоришь... как порядочный человек!

С а т и н. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди... говорят, как шулера? Да... я много позабыл, но — еще кое-что знаю! Старик? Он — умница!.. Он... подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету... Выпьем, за его здоровье! Наливай...

Настя наливает стакан пива и дает Сатину.

(Усмехаясь.) Старик живет из себя... он на все смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» *(Стараясь говорить голосом Луки и подражая его манерам.)* «А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем, живут столяры и всё — хлам-народ... И вот от них рождается столяр... такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает... и сразу дело на двадцать лет вперед двигает... Так же и все другие... слесаря; там... сапожники и прочие рабочие люди... и все крестьяне... и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет... а может, и больше — для лучшего человека живут!».

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

«Все, милачок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо... неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может... может, он родился-то на счастье нам... для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать... ребятишек! Ребятишкам — простор надобен! Деткам-то жить не мешайте... Деток уважьте!» *(Смеется тихо.)*

Пауза.

Б а р о н *(задумчиво)*. Мм-да... для лучшего? Это... напоминает наше семейство... Старая фамилия... времен Екатерины... дворяне... вояки!.. выходцы из Франции... Служили, поднимались всё выше...

При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль... занимал высокий пост... богатство... сотни крепостных... лошади... повара...

Н а с т я. Врешь! Не было этого!

Б а р о н (*вскакивая*). Что-о? Н-ну... дальше?!

Н а с т я. Не было этого!

Б а р о н (*кричит*). Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты... кареты с гербами!

Клец берет гармонию, встает и отходит в сторону,
откуда наблюдает за сценой.

Н а с т я. Не было!

Б а р о н. Цыц! Я говорю... десятки лакеев!..

Н а с т я (*с наслаждением*). Н-не было!

Б а р о н. Убью!

Н а с т я (*приготавливаясь бежать*). Не было карет!

С а т и н. Брось, Настёнка! Не зли его...

Б а р о н. Подожди... ты, дрянь! Дед мой...

Н а с т я. Не было деда! Ничего не было!

Сатин хохочет.

Б а р о н (*усталый от гнева, садится на скамью*). Сатин, скажи ей... шлюхе... ты — тоже смеешься? Ты... тоже — не веришь? (*Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.*) Было, черт вас возьми!

Н а с т я (*торжествуя*). А-а, взвыл? Понял, چگونه человеку, когда ему не верят?

К л е щ (*возвращаясь к столу*). Я думал — драка будет...

Т а т а р и н. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Б а р о н. Я... не могу позволить издеваться надо мной! У меня — доказательства есть... документы, дьявол!

С а т и н. Брось их! И забудь о каретах дедушки... в карете прошлого — никуда не уедешь...

Б а р о н. Как она смеет, однако!

Н а с т я. Ска-ажите! Как смею!..

С а т и н. Видишь — смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только карет и — дедушки, а даже отца с матерью...

Б а р о н (*успокаиваясь*). Черт тебя возьми... ты... умеешь рассуждать спокойно... А у меня... кажется, нет характера...

С а т и н. Заведи. Вещь — полезная...

Пауза.

Настя! Ты ходишь в больницу?

Н а с т я. Зачем?

С а т и н. К Наташе?

Н а с т я. Хватился! Она — давно вышла... вышла и — пропала! Нигде ее нет...

С а т и н. Значит — вся вышла...

К л е щ. Интересно — кто кого крепче всадит? Васька — Василису, или она его?

Н а с т я. Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську — в каторгу пошлют...

С а т и н. За убийство в драке — только тюрьма...

Н а с т я. Жаль. В каторгу — лучше бы... Всех бы вас... в каторгу... смести бы вас, как сор... куда-нибудь в яму!

С а т и н (*удивленно*). Что ты? Сбесилась?

Б а р о н. Вот я ей в ухо дам... за дерзости!

Н а с т я. Попробуй! Тронь!

Б а р о н. Я — попробую!

С а т и н. Брось! Не тронь... не обижай человека! У меня из головы вон не идет... этот старик! (*Хохочет.*) Не обижай человека!.. А если меня однажды обидели и — на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому...

Б а р о н (*Насте*). Ты должна понимать, что я — не чета тебе! Ты... мразь!

Н а с т я. Ах ты несчастный! Ведь ты... ты мной живешь, как червь — яблоком!

Дружный взрыв хохота мужчин.

К л е щ. Ах... дура! Яблочко!

Б а р о н. Нельзя... сердиться... вот идиотка!

Н а с т я. Смеетесь? Врете! Вам — не смешно!

А к т е р (*мрачно*). Катай их!

Н а с т я. Кабы я... могла! я бы вас (*берет со стола чашку и бросает на пол*) — вот как!

Т а т а р и н. Зачем посуда бить? Э-э... болванка!..

Б а р о н (*вставая*). Нет, я ее сейчас... научу манерам!

Н а с т я (*убегая*). Черт вас возьми!

С а т и н (*вслед ей*). Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело, наконец?

Н а с т я. Волки! Чтоб вам издохнуть! Волки!

А к т е р (*мрачно*). Аминь!

Т а т а р и н. У-у! Злой баба — русский баба! Дерзкий... вольна! Татарка — нет! Татарка — закон знает!

К л е щ. Трепку ей надо дать...

Б а р о н. М-мерзавка.

К л е щ (*пробуя гармонию*). Готова! А хозяйина ее — все нет... Горит парнишка...

С а т и н. Теперь — выпей!

К л е щ. Спасибо! Да и на боковую пора...

С а т и н. Привыкаешь к нам?

К л е щ (*выпив, отходит в угол к нарам*). Ничего... Везде — люди... Сначала — не видишь этого... потом — поглядишь, окажется, все люди... ничего!

Татарин расстилает что-то на нарах,
становится на колени и — молится.

Б а р о н (*указывая Сатину на Татарина*). Гляди!

С а т и н. Оставь! Он — хороший парень... не мешай! (*Хохочет.*) Я сегодня — добрый... черт знает почему!..

Б а р о н. Ты всегда добрый, когда выпьешь... И умный...

С а т и н. Когда я пьян... мне все нравится. Н-да... Он — молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить... это его дело! Человек — свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном! (*Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.*) Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо! Выпьем за человека, Барон! (*Встает.*) Хорошо это... чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер... ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика... и сторонятся и оглядываются... и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? (*Хохочет.*) Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми... Не в этом дело. Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..

Б а р о н (*качая головой*). Ты — рассуждаешь... Это — хорошо... это, должно быть, греет сердце... У меня — нет этого... я — не умею! (*Оглядывается и — тихо, осторожно.*) Я, брат, боюсь... иногда. Понимаешь? Трушу... Потому что же дальше?

С а т и н (*уходит*). Пустяки! Кого бояться человеку?

Б а р о н. Знаешь... с той поры, как я помню себя... у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне... как-то неловко... мне кажется, что я всю жизнь только переодевался... а зачем? Не понимаю! Учился — носил мундир дворянского института... а чему учился? Не помню...

Женился — одел фрак, потом — халат... а жену взял скверную и — зачем? Не понимаю... Прожил все, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки... а как разорился? Не заметил... Служил в казенной палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат... потом — одел вот это... И всё... как во сне... а? Это... смешно?

С а т и н. Не очень... скорее — глупо...

Б а р о н. Да... и я думаю, что глупо... А... ведь зачем-нибудь я родился... а?

С а т и н (*смеясь*). Вероятно... Человек рождается для лучшего! (*Кивая головой.*) Так... хорошо!

Б а р о н. Эта... Настька!.. Убежала... куда? Пойду, посмотрю... где она? Все-таки... она... (*Уходит.*)

Пауза.

А к т е р. Татарин!

Пауза.

Князь!

Татарин поворачивает голову.

За меня... помолись...

Т а т а р и н. Чего?

А к т е р (*тише*). Помолись... за меня!..

Т а т а р и н (*помолчав*). Сам молись...

А к т е р (*быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и — почти бежит — в сени*). Ушел!

С а т и н. Эй ты, сикамбр! Куда? (*Свистит.*)

Входят — М е д в е д е в в женской ватной кофте и Б у б н о в; оба — выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова — связка кренделей, в другой — несколько штук воблы, под мышкой — бутылка водки, в кармане пиджака — другая.

М е д в е д е в. Верблюд — он вроде... осла! Только без ушей...

Б у б н о в. Брось! Ты сам — вроде осла.

М е д в е д е в. Ушей вовсе нет у верблюда... он — ноздрей слышит...

Б у б н о в (*Сатину*). Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

С а т и н. А ты — положи крендели на стол — одна рука освободится...

Б у б н о в. Верно! Ах ты... Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

М е д в е д е в. Жулики — все умные... я знаю! Им без ума — невозможно. Хороший человек, он — и глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда, ты — неверно... он — животная ездовая... рогов у него нет... и зубов нет...

Б у б н о в. Где — народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай... я — угощаю! Кто в углу?

С а т и н. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Б у б н о в. Я — скоро! В этот раз капитал я накопил — коротенький... Зоб! Где Зоб?

К л е щ (*подходя к столу*). Нет его...

Б у б н о в. У-у-ррр! Барбос! Бррю, бррю, бррю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай... Я — всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый... я бы... бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов... Приходи, пей, ешь, слушай песни... отводи душу! Бедняк-человек... айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы... тебя бы... бери половину всех моих капиталов! Вот как!

С а т и н. Ты мне сейчас отдай все...

Б у б н о в. Весь капитал? Сейчас? На! Вот — рубль... вот еще... двугривенный... пятаки... семишники... все!

С а т и н. Ну и ладно! У меня — целее будет... Сыграю я на них...

М е д в е д е в. Я — свидетель... отданы деньги на сохранение... числом — сколько?

Б у б н о в. Ты? Ты — верблюд — Нам свидетелей не надо...

А л е ш к а (*входит босый*). Братцы! Я ноги промо-чил!

Б у б н о в. Иди — промочи горло... Только и всего! Милый ты... поёшь ты и играешь, очень это хорошо! А — пьешь — напрасно! Это, брат, вредно... пить — вредно!..

А л е ш к а. По тебе вижу! Ты — только пьяный и похож на человека... Клещ! Гармошку — починил? (*Поет, приплясывая.*)

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было —
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!

Озяб я, братцы! Х-холодно!

М е д в е д е в. М-м... а если спросить — кто такая кума?

Б у б н о в. Отстань! Ты, брат, теперь — тю-тю! Ты уж не бутושник... кончено! И не бутושник, и не дядя...

А л е ш к а. А просто — теткин муж!

Б у б н о в. Одна твоя племянница — в тюрьме, дру-гая — помирает...

М е д в е д е в (*гордо*). Врешь! Она — не помирает, она у меня без вести пропала!

Сатин хохочет.

Б у б н о в. Все равно, брат! Человек без племян-ниц — не дядя!

А л е ш к а. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы — есть деньги,
У меня — ни гроша!
Зато я веселый мальчик,
Зато я — хороший!

Холодно!

Входит З о б; потом — до конца акта — еще несколько фигур м у ж ч и н и ж е н щ и н. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.

К р и в о й З о б. Бубнов! Ты чего сбежал?

Б у б н о в. Иди сюда! Садись... запоем мы, брат! Любимую мою... а?

Т а т а р и н. Ночь — спать надо! Песня петь днем надо!

С а т и н. Ну, ничего, князь! Ты — иди сюда!

Т а т а р и н. Как — ничего? Шум будет... когда песня поют, шум бывает...

Б у б н о в (*идя к нему*). Князь! Что — рука? Отрезали тебе руку?

Т а т а р и н. Зачем? Погодим... может — не надо резать... Рука — не железный, резать — недолго...

К р и в о й З о б. Яман твое дело, Асанка! Без руки ты — никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится... Нет руки — и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить... больше никаких!

К в а ш н я (*входит*). Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть... Бутошник мой здесь? Бутарь!

М е д в е д е в. Я!

К в а ш н я. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты... немножко того, а? Ты что же это?

М е д в е д е в. По случаю именин... Бубнов... и — холодно... слякоть!

К в а ш н я. Ты гляди у меня... слякоть! Не балуй... Иди-ка спать...

М е д в е д е в (*уходит в кухню*). Спать — я не могу... я хочу... пора!

С а т и н. Ты чего... больно строга с ним?

К в а ш н я. Нельзя, дружок, иначе. Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла, — думала, польза мне от него будет... как он — человек военный, а вы — люди буйные... мое же дело — бабье... А он — пить! Это мне ни к чему!

С а т и н. Плохо ты выбрала помощника...

К в а ш н я. Нет — лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вон какой! А и станешь жить со мной — не больше недели сроку... проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

С а т и н (*хохочет*). Это верно, хозяйка! Проиграю...

К в а ш н я. То-то! Алешка!

А л е ш к а. Вот он — я!

К в а ш н я. Ты — что про меня болтаешь?

А л е ш к а. Я? Все! Все, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудов, а мозгу — золотняка нету!

К в а ш н я. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже очень есть... Нет, ты зачем говоришь, что я buttocks моего бью?

А л е ш к а. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала...

К в а ш н я (*смеясь*). Дурак! А ты — будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?.. И, опять же, обидно ему... Он от твоего разговору пить начал...

А л е ш к а. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

Сатин, Клещ — хохочут.

К в а ш н я. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

А л е ш к а. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Б у б н о в (*около нар Татарины*). Идет! Все равно — спать не дадим! Петь будем... всю ночь! Зоб!

К р и в о й З о б. Петь? Можно...

А л е ш к а. А я — подыграю!

С а т и н. Послушаем!

Т а т а р и н (*улыбаясь*). Ну, шайтан Бубна... подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть при-
шел — помирать будим!

Б у б н о в. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад! Зоб!.. Затягивай... любимую! Запою... заплачу!..

К р и в о й З о б (*запевает*).

Со-олнце всходит и захо-оди-ит...

Б у б н о в (*подхватывая*).

А-а в тюрьме моей темно-о!

Дверь быстро отворяется.

Б а р о н (*стоя на пороге, кричит*). Эй... вы! Иди... идите сюда! На пустыре... там... Актер... удавился!

Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется Н а с т я и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу.

С а т и н (*негромко*). Эх... испортил песню... дур-
рак!

З а н а в е с

1902

Источник: Макар Чудра. Челкаш. Старуха Изергиль. На дне / М. Горький. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 77—157.